

ЕЛЕНА СЕЛЕСТИН

**МОСКВА-ТАЛЛИН.
БЕСПОШЛИННО**

Елена Селестин

Москва – Таллинн. Бесплатно

«Accent Graphics communications»

2011

Селестин Е.

Москва – Таллинн. Беспешлинно / Е. Селестин — «Accent Graphics communications», 2011

Книга о жизни, о соединенности и разобщенности: просто о жизни. Москву и Таллинн соединяет только один поезд. Женственность Москвы неоспорима, но Таллинн – это импозантный иностранец. Герои и персонажи живут в существовании и ощущении образа этого некоего реального и странного поезда, где смешиваются судьбы, казалось бы, случайных попутчиков или тех, кто кажется знакомым или родным, но стрелки сходятся или разъединяются, и никогда не знаешь заранее, что произойдет на следующем полустанке, кто окажется рядом с тобой на соседней полке, кто разделит твои желания и принципы, разбередит душу или наступит в нее не совсем чистыми ногами. Родные или чужие люди – кто ближе и понятнее, можно ли предсказать поведение близкого человека, как путь поезда по одной и той же колее. «Как они раскрываются, перемещаясь из города в город, из одной страны в другую. Кажется, при перемещении меняется структура клеток. Дорога в не знаю куда, из одного прошлого в другое». «Платить ведь всегда приходится, вопрос чем; можно испорченной жизнью, творческой потенцией, погубленной психикой». Или деньгами все-таки легче? «Жертву надо принести, чтобы ситуация от тебя отцепилась. Состояние предвлюбленности лучше, чем роман, поскольку может и не заканчиваться». Измениться труднее, чем сбежать, обидев единственного друга. «Другие привязанности живут параллельно реальности, уже не так больно царапая, и все-таки продолжая существовать. От чего зависит возможность перевести мечты в настоящие встречи, вытянуть общение из параллельного пространства в осязаемое?» «Муж депрессивный, слегка, но не идиот»... авторитарная мать, мечтающая о внуке, пригласившая не очень молодую, но вполне соблазнительную девушку из далекой европейской деревни, которой сын должен увлечься, потому что в центре материнского внимания, конструкции его жизни не выдерживают напряжения. Пытающейся не замечать другую, с которой этот сын мог бы быть счастлив. Или жить так, будто правил и требований общества не существует, поддерживать «долгосрочные отношения, удобные для обоих». Что выбрать: деньги и

удобство или любовь и привязанность. «Сами ошибки в дороге имеют особое значение. Почему с древности именно паломничество, то есть путешествие, считалось верным способом развития души?» Неужели ангелы начертили схемы наших жизней так, чтобы они опять пересеклись.

© Селестин Е., 2011

© Accent Graphics
communications, 2011

Содержание

1	6
2	22
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Селестин

Москва-Таллинн. Беспощадно

Но теперь, когда все так меняется, не пришло ли время перемениться и нам? Не пора ли развиваться немного, постепенно взять на себя свою долю в труде любви?

Р.М.Рильке. «Записки Мальте Лауридса Бригге»

1

– Фотографии, наверное, сделаны в середине восьмидесятых.

– Не помню, – слукавил Стас.

Точной была бы дата «1986».

– Таллинн выглядит так, будто в нем живет обида, – изрек Леха жалостливо.

Стас взял фотографии из рук друга, взгляделся. «Если можно на снимках разглядеть боль, то только мою. Как Леха сумел ее почувствовать? Забавно, от таких моментов остаются сувениры, и они вдруг выныривают из глубоких ящиков. Или же выползают продуманно?».

– Был октябрь, видишь, красные листья обрамляли стены и башню, они как яркие рыбы, облепившие камень.

– Нигулисте снимал когда-нибудь? – Леха пропустил описание пейзажа мимо ушей.

Стас вернулся в кабинет, пошуршал в ящике старинного письменного стола, вынес на балкон фотографии:

– Вот твой, твое... Нигулисте.

– Фасад, это только фасад! – возмутился Леха, будто Стас хотел всучить ему фальшивые купюры. – Мне нужен алтарь, чтобы каждая фигурка была видна. Донаторы! Съезди сними их крупным планом, – уточнил он просительно и замолчал, рассматривая верхушки деревьев перед балконом студии. За деревьями мерцал пруд, там плавали два белых лебедя в окружении мелких уток.

– Нет времени для твоих проектов, – ответил Стас твердо. Глядя сбоку на полуседую гриву курчавых волос, скрывающую лицо друга, он определил, что последует взрыв.

Стас привык, что идеи, время от времени овладевающие Лехой, заставляют его прогрызать ленивую жизнь вокруг, чтобы отвоевать энергию для воплощения. Когда в острой фазе такого состояния Леха агрессивной тучей врывается в редакции, библиотеки, музеи – куда бы он ни врвался – люди предпочитали подчиниться, внести лепту в построение тела идеи. Леха был убежден, что окружающие обязаны послужить горению славного делания, и все оцепенело служили. Это могла быть перепись дальневосточных муравьев, поиск ритуальных пещер древних народностей на Урале, восстановление сибирской Мангазеи и далее в любом духе. Идея когтисто терзала Леху от пяти недель до четырех месяцев, затем наступал период апатии. Единственным спасением был метод ускользания от Лехи в период обострений, но у Стаса не всегда хватало решимости надежно забаррикадироваться.

– Не стыдно тебе?! – Леха резко обернулся и взмахнул руками, словно ворон из новогоней сказки. – Донаторы! Люди вкладывали деньги, жертвовали для нас! Мы оказались неблагодарными потомками! – Леха кричал визгливо, так директор школы мог бы распекать выпускника, сорвавшего школьный бал. Стас сообразил, что речь шла о европейских событиях четырнадцатого или пятнадцатого веков:

– Я не их потомок, они были тевтонцы. Или ливонцы, что ли.

– Мы все вместе здесь! Времена и земли смешаны, это должно быть ясно даже тебе! – снова завопил Леха, подняв лицо к небу. Он походил на Карла Маркса, еще в большей степени на Моисея, пришедшего в отчаяние от тупости соратника.

– Не ори. Экология у них, надо полагать, была безупречной. Счастливые люди на свежем воздухе.

– А чума? Антисанитария всякая! Они ждали конца света и честно к нему готовились. Строили храмы с длинными шпилями – порталы в небо, лестницы в другие измерения, каялись и благотворительствовали.

Внизу сигналил автомобиль.

– Да заткнись ты, идиотская железяка, вот в кого мы выродились! – Леха обрушил гнев на владельца черной машины, живот его уже висел за парашетом.

– Сам ты чума, Лешик, – Стас придержал Леху; за годы знакомства ему много раз приходилось вызволять и поддерживать друга.

– В Средневековье решалось, спасется человечество или – соблазнится и свалится на путь превращения в придаток машины, – сообщил Леха, обретя равновесие, – и мы стали! У Босха на картине из задницы человека торчит железное устройство, он знал, какая грядет зараза...

– Дети, ссоритесь что ли опять? – скрипучий бас Варвары мгновенно усмирил Леху, из сердитого немолодого человека он превратился в ласкового мальчика в одежде, купленной в магазине для толстяков:

– Зараза грядет, – повторил Леха шепотом.

Мать Стаса стояла в проеме балконной двери, держа в руке длинный мундштук с торчащей тошенькой сигаретой, другую руку она протянула Лехе для поцелуя. Тот склонился.

– Варвар Иванна, – голос Лехи звучал жалобно, – конец света давно случился, мы проживаем в техногенном обществе свои вялые судьбы.

– Тогда идемте пить чай. Лешик, для тебя купила клюквенную пастилу, проскрипела Варвара и, развернувшись на каблуках, зашагала в соседнюю квартиру, помахивая мундштуком как тлеющей дирижерской палочкой.

* * *

Леха занял место за кухонным столом, где на светлой скатерти стояли старинная фарфоровая статуэтка и композиция из цветов. И если, например, в других домах хрустальная с серебром сахарница могла быть пыльной изнутри, заснеженной прилипшими крупинками сахара, то у Варвары куски сахара лежали будто пирожные в венской кондитерской – смиренные и сосчитанные, не хватало кружев вокруг каждого белого кирпичика.

– Мам, ты Леху балуешь, – а он хочет отправить меня в Таллинн, наядбедничал Стас, входя в кухню, – снимать средневековых – неизвестно кого.

– Варвар Иванна! – воззвал Леха уже с набитым ртом. – Донаторы оплачивали роспись алтаря, за что их изображали маленькими, вот такусенькими, в самом низу доски, со всем семейством. Что означало бессмертие, веками молились на их изображение! – Леха взмахнул рукой и чуть не опрокинул редкой красоты чайник. – Их нужно чествовать сегодня, пока мы еще не вполне потеряли человеческий облик.

– Стоп. – Варвара насторожилась, чайник со стола убрала. – Стасик поедет в Таллинн? Опять? Ее глаза за стеклами очков сузились.

– В крайнем случае, скажу пусть меня отправят в командировку, примирительно сказал Стас.

– Поезжай в Прагу, – Варвара всегда знала, как именно следует поступать ее сыну. – На фестиваль.

– Но я не был в Эстонии десять лет.

– Недавно уехал и пропал – я что, не помню?

– Не помнишь, – Стаса начал раздражать этот разговор.

– Пытаюсь ему втолковать... – Леха хотел налить себе чаю, опрокинул что-то на столе, но не смутился, – Эстония для нас географически близко, но там флюиды, противоположные вибрациям, которые мы ощущаем в Москве. Это рождает продуктивный диссонанс, – заключил он доверительным тоном. – Интересно вычислить, какая сторона влияет плодотворнее, выявить бы коэффициенты, хотя все наслоилось, события последних лет чересчур стремительны. И приземлены... ускорение временных парадигм... – уставившись в пространство, он чесал голову десятью пальцами.

Леха жил так, будто правил и требований общества не существовало. Научился проживать на мизерные деньги, – в месяц выходило гораздо меньше той пенсии, которую из гордости отказывалась получать Варвара. Последние два года Леха работал над комментариями к академической биографии поэтессы первой половины двадцатого века, мучил заказчиков, пытаясь обсудить с редактором подробности жизни любого человека, имя которого встречалось в биографии. Сначала издательство намеревалось заплатить Лехе, но работа затягивалась, а энтузиазм комментатора оставался избыточным. В редакции стали подумывать, что надо сократить гонорар или вовсе не платить, человек ведь и так получает большое удовольствие от своей деятельности. Леха был современным юродивым человеком блаженным, но перегруженным информацией.

– Опять пытаешься втянуть Стасика в авантюру, – поморщилась Варвара, она принадлежала к редкой породе людей, обладающих иммунитетом против Лехиной одержимости. – Вот и Ядранка идет.

Звякнул сигнал домофона.

– Это, Варвар Иванна, к вашему сведению, не авантюра, – важно произнес Леха. – Это, это... мое актуальное исследование.

– Да дребедень.

– Добрый день, – появилась благостная Ядранка.

– Добар дан! – ответили ей по-сербски. – Како стэ?

– Ей вот можешь морочить голову, тем более девушке непонятна половина твоих слов.

Как всякому нормальному человеку.

– Мне ясно! – Ядранка улыбалась, расширив карие глаза. – Я – разумею све.

Леха почесывал бороду и продолжал размышлять о взаимодействии парадигм времени, не обратив ни малейшего внимания на вошедшую. Стас же попытался взглянуть на Ядранку так, будто видит ее впервые, оценить, нравится она ему или нет. Русые волосы до плеч, ее живость, – все, безусловно, «да». Пышная фигура в этой полуспортивной одежде – не очень; живот напоказ, сзади тоже есть излишки, но при ее почти гренадерском росте не так заметно. Брови дугой над веселыми карими глазами. Ядранка напоминала ему задорную казачку из советского фильма. Он был уверен, что у нее хорошо получится пожать плечом и лихо подмигнуть, хотя пока в его присутствии она так не делала.

– Стасик, предложи девушке стул! – напомнила Варвара. – Яца, будешь пить чай?

– Надо чистить.

Ядранка зашла в темную комнату рядом с кухней, чтобы переодеться, взять ведро и тряпку.

– Достань сетки из второй кладовки и, молим те, поставь на окна. Полетит тополинный пух, мы все тут с ума сойдем от него. Лешик, знаешь как по-сербски будет «спасибо»? – мечтательно сощурившись спросила Варвара.

– Хвала, – констатировал Леха, который знал почти все, только иногда кое-что путал. Он потряс головой, словно стряхивая нужную мысль ближе к голосовым связкам:

– Концепция средневекового донаторства может сыграть важную роль в разработке проекта снижения налогов для меценатов, – сообщил он.

– Не смейся, Столыпин! – фыркнула Варвара и стала убирать со стола.

Квартира Варвары Ивановны располагалась на той же лестничной клетке, что и мастерская Стаса, но была обширнее, вся завешана и заставлена старинными вещами, антикварной мебелью и семейными реликвиями. Варваре исполнилось шестьдесят семь лет, фигура ее напоминала цилиндрик, лицо похоже на физиономию отчасти хитрого, отчасти самоуверенного, но при всех обстоятельствах жизнерадостного кабанчика. Варвара на недлинных ногах проходила жизненные испытания насквозь и со вкусом организовывала пространство вокруг себя: квартира в удобном месте, шофер три раза в неделю, приходящая кухарка (уволенная накануне) и девушка-помощница по хозяйству. Все это было заработано Варварой спокойно и бодро.

Она родилась в небольшом городе в Литве, из детства помнила: «выходишь утром, а еще одна улица исчезла, к вокзалу движутся толпы переселенцев с чемоданчиками». Семья переехала в Ленинград, отец Варвары проработал несколько лет в министерстве, затем был осужден и сослан, был тогда конец сороковых, потому отца не расстреляли.

Свой детский опыт Варвара излагала своеобразно, ее рассказы досаждали Стасу в его переходном возрасте. «Как лишенка и дочь репрессированного, я должна была научиться все делать лучше других, важно было всегда быть веселой, даже смешной, чтобы никто не смел тебя жалеть!», повторяла она с особенным выговором, это было фонетически выраженное смутное воспоминание о бабушке-немке и деде каунасском враче, нянчивших младенца Варвару до полутора лет.

Белокурая миниатюрная Варенька в 1958 году поступила в театральное училище в Москве, сняла комнату в переулке рядом со Спиридоновкой и стала учиться, по обыкновению превосходно, получая персональную стипендию. На третьем курсе она встретила своего режиссера, он же стал ее мужем и единственной любовью. Сначала в театральной среде считалось, что она расчетливо влюбила в себя и развела с женой сорокалетнего мэтра ради карьеры, выигрышных ролей. Однако вопреки сплетням Варвара стала не успешной актрисой, а преданной женой Константина Евгеньевича К., известного персонажа театральной Москвы тех лет.

В роли жены Варвара была хороша. Меню ее обедов, изысканность завтраков, интерьер их жилища, даже если они с мужем останавливались всего на неделю в «Доме колхозника» где-нибудь в Вологодской области, элегантные костюмы Константина Евгеньевича, сшитые собственноручно Варварой, – все это исполнялось с блеском. Свои наряды Варвара сочиняла так, чтобы на премьере они сочетались со стилем и цветом одежды мужа, а заодно с темой спектакля. Когда эта пара сидела в третьем ряду на премьере, окружающие воспринимали их как целое – словно букет, составленный гармонично. В эти счастливые годы Варваре удалось перебороть три инсульта Константина Евгеньевича, она проникала в клиники, хотя бы и через забор, без усталости сновала с судками и суднами, стряпала бульоны и паровые котлетки, мыла полы больничных палат и коридоров. Самые живые ее воспоминания были связаны с великими победами, когда удавалось в очередной раз заставить мужа двигаться и разговаривать. Даже приступать к новым спектаклям и сочинять песни. Они любили петь дуэтом, а также разговаривать обо всем вечерами и по ночам. Восемнадцать лет мир для Варвары был расколот надвое: всему на свете они с мужем противостояли, обнявшись. Уступила Варвара только четвертому инсульту, и то не без борьбы. Затем все закончилось – песни, объятия, поцелуи в промежутках между медицинскими процедурами.

Когда Варвара пришла в себя после смерти мужа, то обнаружила, что сыну уже двенадцать и, кроме того, им негде жить. Другие наследники режиссера сделали все, чтобы Варваре ничего не досталось, а она хотя и была боевой, но оказалось также и брезгливой. У нее не было ни профессии, ни денег. Из квартиры родственники разрешили забрать два чемодана; она

сложила в них афиши спектаклей мужа, его «лагерные» рисунки, немногие старинные вещи своей семьи.

Почему в тот страшный год не нашлось людей, готовых ей помочь? Кем был очерчен круг, в который никто не захотел ступить? Сама Варвара едва ли рассуждала над этим, но иногда позже задумывался Стас. Возможно, та же сила, что позволяла его матери выживать вопреки всему, отпугивала от нее людей, – думал Стас, глядя, например, с пляжа португальского города Фигейро-де-Фош на горы живой воды в океане. Её натура была рассчитана на то, чтобы выкарабкиваться из любых обстоятельств, люди это чувствовали и экономили силы – толкать ракету не нужно.

Впрочем, самое важное сложилось: знакомый скульптор позволил Варваре с сыном жить в его мастерской, в маленькой темной комнате без окон, и это было бесплатное жилье в центре Москвы, где они провели больше трех лет. Скульптор, преуспевающий мастодонт соцреализма, оказался единственным, кто пожалел вдову. Семья его обитала в другом районе города, сам мэтр с очередной поклонницей предпочитал творить в загородном доме, в мастерской появлялся нечасто. Если благодетель все же собирался придти с заказчиками или с какой-нибудь комиссией типа «худсовет», – Варвара со Стасом должны были заранее выйти на Сретенский бульвар, и не показываться, пока не уйдут гости мастера.

Варвара брала с собой книгу по истории столицы, чтобы гулять, изучая определенную улицу или район города. Когда Стас уставал, шли на Рождественский бульвар или в монастырь поблизости, заросший кустами сирени, и там сидели на лавочке, сын дремал на плече у Варвары.

Из хорошенькой миниатюрной Варвара быстро превратилась в женщину сразу пожилую, плотную, со смело выпирающим животом. Стала много курить и громко смеялась, чаще невпопад.

Стас под руководством матери делал зарядку, – она называла это «утренней гимнастикой». В память о тех упражнениях Стас впоследствии никогда по утрам не проделывал полезных пассов ногами и руками. Понукаемый ее лозунгами, учился на «отлично», в школе не смел получить даже «четверку». Тогда же он полюбил запахи, которыми пропитаны мастерские скульпторов и художников.

Варвара занялась выгуливанием чужих собак, собачьими стрижками, мытьем полов в метро, иногда – уборками в богатых домах. Убиралась быстро и чудовищно эффективно, все мела, начищала, выбрасывала, как безжалостный комбайн, брала за уборки дорого.

Одновременно Варвара окончила заочный педагогический техникум. Затем подвернулся счастливый случай, он же озарение. Позднее, выслушивая комплименты, Варвара всерьез утверждала, что муж «оттуда» помог ей найти успешное дело жизни. Поверхностное изучение проблем, связанных с исправлением детских речевых дефектов (что входило в программу педагогического техникума), плюс знания, полученные на занятиях по сценической речи в театральном училище – таковы были «исходные». Кроме того, у Варвары проявились способности к гипнозу и интуитивное понимание психологии. Так она открыла в себе талант в не слишком затянутые сроки сделать из косноязычного человека сносного оратора, подготовить «фактурного», но шепелявого десятиклассника к поступлению в театральный институт, научить заику побеждать свои приступы. Она привнесла в свою методику элементы театральных этюдов, вокала и дыхательной гимнастики. Со временем Варвара обзавелась постоянной клиентурой, от актеров до чиновников.

Кооперативная квартира, летний отдых с сыном в Крыму, качественная еда с рынка, – все это Варвара имела до перестройки, после одной дела у нее шли не хуже. Косноязычных общественных деятелей, безграмотных чиновников и бизнесменов-заик, желающих обрести дар речи, стало больше. Актерам по-прежнему было необходимо стирать следы местечкового произношения или подростковой гнусавости, если только они не собирались всю жизнь играть

провинциальных бандитов. В девяностые годы, кроме частных уроков, Варвара преподавала в двух институтах. Она вполне могла бы прикупить себе ученую степень, но к подобным вещам относилась пренебрежительно, она даже пенсию не получала. Варвара считала, что пока может разговаривать, ей и ходить не обязательно, сидя в кресле она способна прокормить себя и целую команду – шофера, маникюршу и парикмахера.

Всегда находилось двое-трое учеников из солидных бизнесменов, которые воспринимали ее не только в качестве преподавателя. Очень ценилось то, что Варвара могла быстро вникнуть и подсказать как вести себя в щекотливой ситуации, у властных учеников вырабатывалась зависимость от задушевных бесед с ней. Тогда занятия речью превращались в исповеди; обсуждались проблемы, которые не рисковали обсуждать ни с женами, ни с любовницами, ни с партнерами по бизнесу.

Стаса устраивало, что непомерно развитая материнская воля расплылась вовне. Когда он оказывался в центре материнского внимания, конструкции его жизни не выдерживали напряжения.

Варвара завернула оставшуюся пастилу в салфетку и протянула Лехе. Он с достоинством положил кулек в карман пиджака.

– Я говорила? Мне один оттуда, – Варвара показала пальцем на потолок, заика бывший, – дачу подарить хочет. Чтобы я отдыхала. Говорит, трехэтажный дом в лесу.

– Грибы будем собирать, – оживился Леха.

– Некогда мне по дачам разъезжать, – Варвара смеялась долго, и это было похоже на карканье.

– Зря вы, Варвар Иванна, мы же, если вдуматься, состоим из грибов, и все болезни – грибы, фокус в том, какая именно часть грибной иерархии в нас побеждает, низшая или высшая. Древние шотландцы, между прочим, изобрели гольф, чтобы маскировать сбор психоделических грибов, запрещенных христианством, «гольф» на самом деле означает GO Look For ... «иди поищи», так и мы с вами поиграем на даче, разомнемся.

– Болтун энциклопедический, – рассмеялась хозяйка дома. – В Будве у меня дача, хватит.

Пять лет назад Варвара впервые оказалась на берегу Адриатического моря, в Черногории. Там ее поразил распространенный вирус: многие русские, попав в Черногорию, мечтают туда вернуться и купить жилье. Причем дело явно не только в природе, не столько в чистоте моря. Вряд ли тому причиной и притяжение разбросанных когда-то по миру славянских племен, ведь несть числа примерам, когда налицо близкое антропологическое родство, языки похожи, а вражда от этого только крепнет. Возможно, русских притягивают многочисленные православные монастыри. В любом случае, рациональными причинами трудно объяснить этот импульс.

При всех неприятностях, которые пережила Черногория за последние десятилетия, воздух там заряжен будущим, – так почувствовала Варвара. Влюбившись в это место на земле, она купила двухкомнатную квартиру недалеко от моря, и проводила там два-три месяца в году. Варвара даже просила похоронить ее рядом с женским монастырем в горах над морем, хотя Стаса расстраивали эти разговоры.

Варвара страстно хотела иметь внука, знала как его воспитывать, чему учить, куда увозить на лето. Сыну уже исполнилось сорок три, но внук все не появлялся, а ведь она еще могла успеть его вырастить. Варвара сживала в кафе на берегу Адриатики, смотрела на море, на высоких статных папаш, гуляющих с детьми, и подбирала имя для внука: Савва, Божидар, Драголюб, Богдан, Светозар, – музыка славянских имен завораживала. Душко!

С Ядранкой Варвара познакомилась в Старой Будве, среди домов почти средневекового города. В конце восьмидесятых в Черногории случилось землетрясение, разрушенный город Будва собрали из разрозненных, вручную пронумерованных камней. Архитектура восстановилась внешне, но дух города выветрился, возможно, его вытоптали туристы. Ядранка, улыб-

чивая сербка из Белграда, на первом этаже псевдо венецианского палаццо снимала помещение площадью чуть больше подъезда пятиэтажки-хрущобы. У нее там был магазинчик под названием "Alta moda», она продавала тряпки из Китая, снабдив их этикетками итальянских фирм.

Конечно, Варвара не признавалась себе, что тайная цель ее дружбы с Ядранкой – завести здорового внука от этой девушки. Но так сложилось, что Ядранка приехала в Москву, снимала комнату на Дорогомилловской улице у одинокой Варвариной приятельницы и зарабатывала тем, что убиралась в квартире Варвары и у ее подруг. Стаса поразило, что Ядранка общалась с его авторитарной матерью без тени подобострастия. Кроме энергичных уборок два раза в неделю женщины занимались изучением сербского и русского, в процессе выпивая по рюмке-другой 50-градусной черногорской ракии.

– Варя Ивановна, там ветер – и тако, – Ядранка светло улыбалась, в руках у нее были осколки цветочного горшка.

Варвара присела на стул, с подвыванием выдохнула:

– Что у меня с памятью? Вчера ключи куда-то дела, на прошлой неделе окно оставила открытым... Теперь снова.

– Не страшно. Бырзо уберем, – ласково пропела помощница.

– У меня явно с головой что-то не то.

– Может меньше курить, ма? – осторожно предложил Стас.

– И так на самые слабые перешла. Не могу же лишиться себя всех удовольствий сразу.

Правда, Лешик? Для тебя какое главное удовольствие?

– Поесть. Нет! Почитать.

– А для меня – покурить. Все, ребятки, идите к себе, должен прийти ученик, тоже – донатор. Только для меня, – она снова зашлась в приступе смеха.

Стас решил ехать в Эстонию на следующей неделе. «Теперь, – подумал он, стоя в дверях кухни и наблюдая за движениями Ядранки, которая мыла межкомнатную дверь, – можно за мать не волноваться». Он вдруг осознал, что черногорская гостья его не раздражает.

– Яца, пойду в кабинет, а тыпусти ученика, когда придет, – попросила Варвара.

– Зачем я? – воскликнула Ядранка, но никто ее не услышал.

Вечером у Станислава была встреча с Милой. Давно, в середине восьмидесятых, он познакомился с ней в рекламном агентстве «Автотрансреклама» на улице Герцена. Мила тогда работала художественным редактором, Стас был начинающим фотографом, его слайды Мила иногда помещала на плакат или в рекламный буклет.

Фотографы, снимающие для рекламных изданий, в 70-е и даже в 80-е в СССР жили хорошо, – но совершенно непонятно было, каким образом можно присоединиться к их славному отряду. В узкий круг владельцев кожаных корфов можно было попасть по двум билетам, предъявленным одновременно: фортуна и благи. В годы, когда зарплата в 140 рублей считалась «повышенной», «фотохудожник» (так любили называть себя амбициозные фотографы) спокойно зарабатывал две-три тысячи рублей в месяц. И это за много лет до появления революционного закона «Об индивидуальной трудовой деятельности».

Расценки на «цветные слайды для печати» в соответствующем документе Министерства культуры (Приказ № 314) варьировались от 60 до 120 рублей за один слайд. За макет плаката, с учетом слайдов, можно было получить около трехсот рублей.

В издательском плане агентства «Автотрансреклама» в те годы каждый квартал выпускалось несколько десятков «календарных» и тематических плакатов. Обычно фотохудожники делились гонораром с теми, от кого зависело распределение заказов, – с главным редактором или с начальником издательского отдела.

Кроме плакатов, в «Автотрансрекламе» издавались буклеты, проспекты, карманные календарики, серии листовок типа «Нельзя переходить улицу на красный свет», другие бессмысленные издания, в частности, дипломы и грамоты для победителей многочислен-

ных социалистических соревнований. За изображение Ленина, силуэт или просто абрис головы, который располагался узнаваемым пятном сверху грамоты, – художнику полагалось дополнительная сумма. Внешнеторговые организации, такие как «Совтрансавто» и «Автоэкспорт», также были заказчиками «Автотрансрекламы», их издания печатались за границей, на «валюту», и за макеты таких «изданий повышенной идеологической значимости» платили во много раз дороже.

Советская богема; номенклатурные мужи придумали для своих детей возможность жить интересно и безбедно – конечно, только для тех отпрысков, которые не хотели или не могли становиться дипломатами. Таким образом, между маргиналами и партократией возник мостик, потаенный, – он проходил именно через творческие профессии. Дети советских вельмож стеснялись своих родителей, начинавших карьеру в Ставропольском или Краснодарском крае на сельхозработках и не обладающих интеллигентным произношением. Неблагодарные наследники партократов хотели жить, подражая героям романов Хемингуэя и Ремарка, бродить ночами по ресторанам, рассуждать об искусстве, поражать воображение красивых дев, одетых во все импортное. И ходили, и разговаривали. Ресторанов было мало, от силы десять на всю Москву, в них бок о бок друг с другом сживали иностранцы, путаны, кагэбэшники – и советская богема, никем так не называемая, но отчетливо себя ощущавшая.

Стас поступил в Московский государственный университет на исторический факультет, но после первого курса был отчислен, поскольку подрался с парнем, с которым нельзя было драться. Поступил в «пед» имени Ленина, оттуда сам ушел от скуки. Армия Стасу не грозила из-за зрения, состояние которого, благодаря взятке, в медицинских документах было признано очень плохим, значительно хуже, чем было в действительности.

Варвара уговорила знакомого фотографа взять Стаса на лето в ученики, обещая составить дочери фотографа протекцию при поступлении в театральный вуз. Кроме того, Варваре привезли из Финляндии широкоформатную фотокамеру, которую она подарила фотографу-учителю Стаса. Сыну купила аппаратуру подешевле, но хорошую, сделанную в ГДР.

Спустя год Стас уже сотрудничал в двух рекламных агентствах, «Автотрансреклама» и «Морфлот», стал членом фотосекции Московского Горкома графиков. Каждый человек искусства обязан был вступить в соответствующий творческий союз, «встать на учет», иначе ты был уже не человек искусства, а обычный тунеядец. Член творческого союза имел право получить мастерскую. В восьмидесятые годы мастерские «получали», давая взятки начальнику дэза или его заместителю. Тот подыскивал якобы «нежилое помещение», затем необходимые документы оформлялись в Горкоме графиков, тоже за взятку.

Остроумие социальных построений тех времен заключалось в том, что персонажи хитрые и жадные в выверенных пропорциях перемешались с людьми наивными, искренне впитавшими идеалы «советского воспитания». Это скрытое социальное расслоение (наверное, точнее его можно назвать «этическим») создавало структуры наподобие торта «Наполеон».

Любимейший самодельный торт времен «застоя» создавался так: сухой корж – слой сгущенки со сливочным маслом, сухой корж – слой сгущенки... сверху слегка надавить, дабы коржи с хрустом просели, потрескались, жирный крем просочился в дырочки и разломы... В те времена слова «холестерин-убийца» и «вредные животные жиры» еще не испортили аппетит советских граждан, не разбалансировали вкусовые центры в наших мозгах, и домашний торт «Наполеон» обладал незабываемым вкусом: ощущения менялись во рту, он казался чуть соленым, одновременно сладким, слегка пресным и приятно-сливочным, сухая твердость переливалась в ощущение поджаристой пресной корки, а затем сочеталась с растекающейся жирностью. Запивать его следовало горячим черным чаем, вернее, просто чаем (назывался «индийский со слоном»), тогда чай еще не делился на породы и цвета. Исхитрялись готовить «Наполеон» и в голодные времена, в начале девяностых. Верхом остроумия можно признать

изделие, крем для которого делали на основе манной крупы. Получался грустный постсоветский «Наполеон», начиненный слизкой кашей.

В 1985-м фотограф-покровитель Стаса представил его директору агентства «Автотрансреклама». Покровитель приходил в «контору» распить бутылку коньяка, поделиться гонораром и получить новые заказы.

Агентство располагалось в ветхом строении на улице Герцена (до советского периода и после него – Большая Никитская). Сотрудники утверждали, что именно в этом двухэтажном доме постройки второй половины XVIII века родилась Наталья Гончарова, будущая Н.Н.Пушкина.

Стас жил неподалеку, часто приходил в контору рано, когда Москва только начинала пробуждаться. Во дворе «Автотрансрекламы» рос тополь с необъятным стволом, и чтобы войти в невысокую, просевшую дверь агентства, надо было обогнуть древнее дерево. Стасу казалось, будто он находится в уютной дореволюционной деревне: шелестели листья июльским утром, косолопо, у самой земли, притулились окошки «гончаровского» дома с флигелями.

Художественный редактор Мила попала в «Автотрансрекламу» после полиграфического института, ей нравилось работать с фотографами и художниками, лишь бывало неловко, когда в день выплаты гонораров они по традиции приносили в отдел торты и пирожные. Потом Мила привыкла. Художники пообщительнее приходили с бутылкой вина, балагурили, ухаживали за сотрудницами. Стас чтит традиции, с гонорара шел в кондитерский к Никитским воротам, становился в очередь, покупал три торта – «Абрикотин», «Ленинградский», «Прага», соответственно для бухгалтерии, в производственный отдел и в редакцию.

Однажды в проливной дождь Мила и Стас стояли у раскрытой двери агентства, наблюдали желто-зеленую, пузырящуюся сбитой пылью лужу вокруг тополя. Это был шквальный ливень, который случается иногда ранним летом в Москве. Около дерева было оставлено немного земли, а вокруг лежал потрескавшийся асфальт – поэтому лужа получалась почти квадратная, она быстро переполнялась, перетекая к порогу «Автотрансрекламы». Миле надо было попасть через двор в другой флигель, в производственный отдел, но выйти было невозможно. Молчали, лишь улыбнулись друг другу, когда дождь стал стихать, затем Мила храбро ступила в воду и выбежала, прикрывая голову картонной папкой для бумаг. Стас пожалел, что не решился пойти рядом с ней, не защитил. По дороге домой он думал о ней с нежностью и напевал песню Градского: «в полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг, тебя укрыл бы я плащом от зимних вьюг, от зи-имних вьюг».

Стас становился профессионалом: покупал нужное оборудование, заводил знакомства, учился работать со светом. Он хорошо чувствовал композицию, мог смело сочетать предметы, придумывать неожиданные образы для своих моделей. Варварины знакомые актрисы соглашались бесплатно участвовать в его съемках, с ними Стас сделал серию слайдов, на которых женские лица были расписаны листьями, цветами, абстрактными узорами. Время было благоприятно для экспериментов, люди воспринимали искреннее творчество с вниманием и благодарностью. У Стаса стал выработываться собственный стиль: он снимал модели очень близко, нарочито сокращая психологическую дистанцию.

Наконец, ему заказали экспортный вариант перекидного календаря для «Совтрансавто», слайд для каждой страницы. Это был его первый крупный гонорар, даже после того как он «поделился» с начальством, сумма оставалась внушительной, и когда вся редакция «Автотрансрекламы» поехала в Таллинн на экскурсию, он поехал с ними.

Спустя полтора года Стас женился и несколько лет жил за границей, работал фотокорреспондентом АПН (Агентство Печати «Новости»).

Вновь Мила и Станислав встретились спустя годы в редакции московского журнала. К тому времени он стал известным мастером, развелся. При встрече Стасу показалось, что его

знакомая изменилась мало: тот же пучок на голове и брючный костюм, похожий на прежний. Во времена, когда все вокруг теряло свои формы и свойства, его привлекла именно эта неизменность. И еще, пожалуй, неприязнительность Милы: она говорила, что ей нужно общение, иногда ласка, но главное – дружеское взаимопонимание. Разговоров о детях и о браке между ними не возникало. Получились долгосрочные «отношения», удобные для обоих: Стас жил с матерью, хотя и ночевал в квартире рядом, в студии. Мила тоже жила со своей матерью, с юности ухаживала за ней, болезненной. Миле и Стасу нравилось, что не надо ночевать вместе и вести общее хозяйство. У них были общие радости – концерты, театры, теннис. Варвара вслух удивлялась верности сына «неперспективным» отношениям, периодически вопрошала с напором: «Скажи, кто она тебе – жена, любовница?!». – «Партнерша по теннису», – отшучивался Стас. Ему было жаль заочно обижать Милу, но и заступаться лень. Больше всего хотелось, чтобы обе женщины, мать и подруга, не мешали по ночам читать, спать до полудня, и в остальное время заниматься работой.

* * *

Стас увидел Милу издали, ему отчего-то стало ясно, что их встречи никогда в будущем не смогут его удивить или взволновать. «Будто встречаюсь с пожилой родственницей, благотворительствую...», – подумал он.

– Поблизости три аптеки. Пройдешься со мной? – лицо Милы было озабоченное как у больной девочки.

– Конечно, – Стас взял ее под руку. Они гуляли по Патриаршим.

Мать Милы болела, на сей раз, по словам дочери, серьезно.

– Через пару недель смогу дать еще, – Стас положил ей в сумочку пятьсот долларов.

– Спасибо, у меня деньги есть.

– Пусть еще будут.

Стас отчетливо увидел седину на висках Милы, и в который раз подумал, что хорошо бы она перестала собирать волосы в пучок на затылке, выставляя седину напоказ. Его мать всегда высмеивает эту прическу.

– Ты так поцеловал меня, – шепнула Мила.

– Как?

– Ключнул, и все.

– Поцеловал как всегда. Уезжаю на несколько дней.

Мила зашла в одну аптеку, затем в другую, Стас ждал на берегу пруда. У берега плавали два лебедя, белые. Один лебедь, более активный, нырял опуская голову под воду, а его тело правильной каплеобразной формы оставалось на поверхности, торчало вертикально, напоминая тугий бутон большого цветка.

– Когда пойдем играть? – спросил он, когда Мила вернулась и стала перебирать коробочки, сверяясь со списком лекарств.

– Нет настроения, не сердись, маме плохо.

– Я понимаю.

– Как Варвара Ивановна?

– Нормально. Я провожу тебя.

Проводить означало пойти домой к Миле; они давно не занимались любовью, уже несколько недель.

– Извини – мне на рынок, потом в больницу к маме.

Стас ничуть не расстроился. «Может, мне вообще больше не нужна женщина?», – вдруг пришло ему в голову, и было непонятно, как отнестись к этому: может дефект, а может – освобождение.

– Когда же мы увидимся? – спросил Стас.

Ее взгляд, застенчивый, отчего-то виноватый, тронул Стаса. Нелогично возникло: наверное, я могу или должен сейчас предложить формально закрепить нашу родственность. Он мог представить Милу своей женой: между ними есть нежность, многолетняя привычка, им комфортно вдвоем. Глупо от брака ждать большего. Тем более, Миле сейчас нужна поддержка. Он подумает обо всем этом в поезде и во время одиноких прогулок по Таллинну. Она торопилась уйти, и Стас взял ее всегда прохладную руку, удержал пальцы, робкие как сама Мила:

– Тебе счастливого пути, – сказала она.

– Давай держись, – напутствовал он.

В редакции оформили командировку, главный редактор обрадовался идее поснимать Таллинн. Свободный день перед поездкой Стас посвятил НЕБУ. Он снимал облака, собирал снимки, потом экспериментировал с ними. У него было аккуратно рассортировано: южное НЕБО, ночное НЕБО, НЕБО осеннее и летнее, НЕБО улыбающееся и грозное. Стас никому не признавался, что ожидает однажды увидеть нечто помимо облаков, птиц и редких самолетов. То, что не снимал. Это нечто, иногда фантазировал Стас, может быть посланием человечеству. А может – ему лично. Послания наверняка передаются во многих формах, любой элемент природы способен дать важные сигналы. Большинство из них, вероятно, может пройти через НЕБО – единственное место, которое человек почти не может загадать. Почти, к сожалению. Знаков в НЕБЕ множество, был убежден Стас, он намеревался терпеливо, втайне от других, наблюдать за этой независимой частью пространства. Редкие человеческие амбиции дотягиваются до НЕБА. Строго говоря, НЕБО вообще не существует, есть пространство вокруг земли, но почему люди воспринимают его одинаково? Мы редко осознаем, что над нами мир, полный событий, как если бы НЕБО было плоским побеленным потолком. Такое НЕБО соответствует нашей приземленности.

– Стасик, можно? – мать стучалась в дверь лаборатории, голос звучал заискивающе.

– Работаю. – Когда мать заходила в студию, он чувствовал себя незащищенным.

– Пообедаем вместе, втроем. Я сварила борщ.

– Кто-то пришел?

– Ядранка. Мы ждем тебя обедать.

– Знаешь, что я отмочила? – спросила Варвара задорно, когда Стас пришел на ее кухню.

– Отмочила? Не знаю. Привет, Ядранка.

Девушка улыбалась, сидя на угловом диванчике, выглядела необычно, волосы посветлели, обрамляли лицо прямыми прядями.

– Я потеряла деньги! – Варвара смеялась, а глаза были беспокойными.

– Где потеряла?

– Если бы знала где, то не потеряла бы, а нашла. Триста долларов, представляешь?

– Хорошо представляю триста долларов...

– Должна была отдать – но по дороге, пока мы с Иваном ехали, выронила или что. Я бы решила, что совсем не брала, но записываю расходы в книжку. Придется голову лечить.

– У моей майки, – вставила Ядранка, – тоже голова была больна, потом полоако лечилась.

– Лако-полоако! – умилилась Варвара сербскому словечку. – Майка – это мама по сербски, знаешь? Вина выпьем?

– А твоей голове это как? – поинтересовался Стас.

– Моей голове – то, что нужно.

Выпили черногорского сухого вина, закусили сыром и привезенными из Будвы маринованными оливками, съели по тарелке борща.

– Дивно, – восхитилась Ядранка, сумев выразить восторг лицом, руками, бровями, – тако не могу, само чорбу радим, – светилась девушка.

– Суп они делают! – перевела Варвара и пообещала: – Я научу тебя, так и быть, главное, надо задействовать девятнадцать ингредиентов...это особое число в кулинарии, одиннадцать из них твердые и восемь быстро разваривающиеся.

– Како? Шта девятнадцать?

Стас удивился: впервые при нем мать предлагала научить варить борщ. Ни его бывшая жена, ни тем более кухарка, не удостоивались такой чести.

Варвара над борщом колдовала серьезно, соблюдала собственные правила; повторить эту партитуру, по глубокому убеждению Стаса, не сумеет никто.

– Проводишь Яцу? – спросила Варвара после завершения обеда.

Стасу хотелось вернуться к лицезрению облаков; одна серия снимков, как ему показалось, складывалась в орнамент, в короткую линию знаков. Но Ядранка так доверчиво смотрела, – и действительно, было уже поздно.

– Зайду в мастерскую минут на десять – и провожу, – пообещал Стас. Он отозвал мать в коридор:

– Дать тебе денег, ма?

– У меня есть, только противно быть склеротичкой. Хотела купить два билета в Черногорию, для себя и для Нинки, значит, пока не судьба.

– Сейчас там жарко, но если надо – возьми.

– Яца! Стасик тебя проводит, – сказала Варвара громко сладким голосом.

Интересно, Ядранка действительно тихоня или прикидывается? Забавная ситуация, – рассуждал Стас, ненадолго вернувшись к работе, – мать пригласила девушку, можно сказать, из далекой европейской деревни. Девушка кровь с молоком, по-русски изъясняется не очень, и мать, похоже, надеется, что я должен увлечься. Смешная...кажется, акцент Ядранки делает ее более привлекательной в моих глазах. Ну, молодость, ну характер хороший, наверное. Сегодня сходила в салон и заметно преобразилась. Это означает, что я ей нравлюсь, или что ей нравится – жить в Москве? Общаться с моей матерью? Стас убедился, что думает о постороннем и на небесных снимках ничего не видит. Он аккуратно убрал негативы и отпечатанные снимки. НЕБО он фотографировал по старинке, на пленку.

– Ядранка, Стасик может тебе рассказать о Москве, – напутствовала Варвара. – Идите через Патриаршие на бульвары, посидите в кафе. Если загуляетесь допоздна, Яца переночует в гостевой.

Во время прогулки на каждую его реплику Ядранка произносила «исто» «правильно». Стасу это скоро надоело.

– Выпьем кофе? – предложил Стас. – Или по бокалу вина?

– Вина.

В кафе на Бронной, расслабленно устроившись в глубоком кресле, Ядранка заулыбалась.

– Ты во время войны жила в Черногории? – спросил Стас.

– Зачем? В Белграде жили.

– С родителями?

– Да, так, – ответила Ядранка, подумав.

– А страшно было, когда бомбили Белград?

– Нет, – Ядранка смотрела ему прямо в глаза, и Стас заметил, что зрачки ее расширены. – Мы само тако – ручили, когда бомбили, шатались! Ништа. Потом ушли оттуда.

– Как это ушли?

– В Черногору. Монтенегро.

– Вы уехали из Белграда?

Она молча кивнула. Стас, привыкший смотреть на лица профессионально зорко, увидел, что ее глаза сверкнули, на мгновение проявилось лицо разгневанной цыганки, – но тут же особенный взгляд был погашен.

Такси для Ядранки поймали на Тверском бульваре. При прощании она не торопясь поцеловала его в губы. От неожиданности Стас не ответил, ошарашено следя за тем как рука девушки гладила его живот, скользнула по рубашке, теплые пальцы пробрались за ремень.

Возвращаясь домой пешком, Стас не мог понять: ему смешно? польщен? Да нет, что ему Яца-Ядранка, тихий омут ядранский, надо забыть о ней. И как забудешь, если стараниями матери она теперь из их квартиры не вылезает? Засыпая подумал: а если и вправду, жениться на такой почти молодой девушке, родить с ней двоих или троих, поселить их с матерью на берегу Адриатики. Дети вырастут веселыми, у моря, Адриатика там по-местному называется Ядран.

* * *

В купе никого не было.

Стас сел прикрыв глаза, расслабился. Это такой тоннель, поезд «Москва-Таллинн», ты садишься и вспоминаешь молодость. Кажется, что жизнь была ярче, хотя на самом деле ты сам был посвежее. Он тогда был юным, и Мила тоже, они с большой компанией сотрудников «Автотрансрекламы» впервые ехали в близкую Европу. В дороге не собирались ложиться спать, обсуждали предстоящие развлечения. В Таллинне тех лет выставлялись особенные художники, особенные фотографы. Стас вспомнил: фамилия одного художника была на букву «А» – Аарек, кажется, – и еще был Томас Винт. Чем же они отличались, как сформулировать? Лаконичная эстетика, изысканность особая, европейская. Другая культура. Тогда мы просто говорили: «вот у них – культура». При этих словах вспоминались не столько картины и выставки, но столик в кафе, покрытый чистой скатертью и украшенный букетом. Считалось, что у поляков «культура», у эстонцев, литовцев и латышей тоже. Во Франции, Италии, Англии тем более. Нам не хватало красоты в собственной повседневной жизни, быт был убогим, и когда мы видели, что люди живут комфортно и уютно, становилось тоскливо. Завидно.

А наша живопись, кинематограф того времени, литература, театр бесподобный – это не «культура», а хлеб насущный. Мы привычно заглатывали хорошие книги, позевывая, наблюдали за игрой таких актеров, что спустя двадцать лет сердце останавливалось при взгляде на старые записи спектаклей. Будто не замечали всего этого, воспринимая ту роскошь как компенсацию за отсутствие свободы выбора.

То есть сокровища у нас были, а красивых пирожных и чистой скатерти на столе – нет. Потому казалось, что мы не живем, а лишь разминаемся, бегаем вдоль решетки, которая отделяет от самого интересного в мире.

Стас снова вспомнил о первой поездке в Таллинн, с «Автотрансрекламой»: с Милой у них романа еще не было, но они двое опаздывали на поезд, бежали за вагоном, и вся компания кричала: «Стасик-Мила! Стасик-Мила!». Кажется, тогда шел теплый дождь. Проводница протянула им руку, уже на ходу ... В тамбуре стояли финны, люди другого мира, они помогли им с Милой залезть в вагон. Поразило, что финские малые дети бегали по тамбуру в одних носках, в белых носках; глядя на них думалось про бесшумные стиральные машины, пушистые ковры, чистую финскую жизнь, у светлоголовых детей было прекрасное будущее.

* * *

В вагоне СВ сего времени вещала попсовая русская радиостанция, Стас поднялся и убрал звук, порадовавшись, что поедет один. Но вскоре пришлось поджать ноги – перед самым отправлением в купе появился попутчик. Стас определил, что вошедший человек похож на Савву Морозова: крупноголовый и коренастый, борода аккуратно подстрижена, глаза умные. Вспомнилось, что у Саввы домашняя кличка была «Бизон».

С приходом Бизона купе заполнилось нарядными пакетами.

– Не мешает? – спросил попутчик, роняя шуршащие свертки на пол и заполнив ими без того тесное пространство. – Игрушки, подарки, – Бизон посмотрел в лицо Стасу долгим взглядом, тому показалось, что глаза незнакомого человека приблизились к нему слишком близко.

Больше половины площади пола заняло что-то крупное, раздувшееся в пузырь, автомобиль или лошадь в блестящей упаковке. Бизон сидел, обмахиваясь дорогим галстуком.

– Не мог припарковаться, стоянка забита, – пожаловался он и сразу вскочил. – Ане, красавица моя! – ринулся он к проводнице, – спасибо, задержала поезд.

Вернувшись, попутчик зашуршал пакетами. Стас заговорил первым:

– Давно я не ездил в этом направлении. А вы?

– Почти каждую неделю, – охотно сообщил Бизон. – Не хотите оценить достоинства ужина с малознакомым человеком?

Ресторан оказался ухоженным, как и все в этом поезде. Такими же, как ни странно, выглядели пейзажи за окном: в начале июня пышная зелень делала деревни и дачные поселки нарядными. За соседним столиком молодой человек ел омлет и просматривал фильм на экране компьютера.

– Согласитесь, что вихри времени, его потоки, лучше ощущаются в дороге, – Бизон был разговорчив. – Вы уже оттолкнулись от прошлого, в тот момент, когда ступили с перрона на подножку вагона, но еще не приехали в будущее. Сейчас у нас самое что ни на есть настоящее, живое время, которое можно ощутить. Знаки проступают явственнее, к тому же сознание в дороге лучше воспринимает сигналы других измерений.

– Пожалуй, – Стас приподнял рюмку.

– Коньяк хороший, чувствуете, какие ноты разнообразные, какой пейзаж встает перед мысленным взором...

Подошел улыбочивый официант и принес неизбежный лимон, тонко нарезанный.

– Так о чем говорят знаки: о личном или они для всех? – уточнил Стас.

– Как это пошло – закусывать коньяк лимоном, – скривился Бизон. Зависит, насколько связываете личное с общечеловеческим. И на что сейчас настроены. Можно ошибаться с выводами, но сами ошибки в дороге имеют особое значение. Подумайте, почему с древности именно паломничество, то есть путешествие, считалось верным способом развития души?

«Витиевато мыслит и заковыристо выражается», – подумал Стас отстраненно.

Бизон продолжал:

– Раз наша встреча сегодня – явный знак судьбы, признайтесь, я для вас на кого похож? Что подумали обо мне с первого взгляда?

– Пожалуй...на купца, начала двадцатого века, из московских староверов. В третьем поколении, – обстоятельно ответил Стас.

Бизон прищурился, запрокинув голову.

– Они отличались, эти, из третьего-то?

– Внуки разбогатевших тружеников получили хорошее образование, многие – блестящее, за границей. Им не надо было направлять силы для поддержания бизнеса, он уже и без них крутился. А породу никуда не денешь, предприимчивость и редкая работоспособность в них присутствовала, но была не востребована, пробуксовывала, – Стас вспомнил одну из лехиных теорий. – Поэтому многие занимались широкомасштабным меценатством. Все французские импрессионисты в Пушкинском и в Эрмитаже собраны ими, они построили больницы, особняки авангардной по тем временам архитектуры, собрали уникальные музеи. Хорошо позаботились о нашей культурной базе. Вот так.

Бизон жевал.

– Большинство самовольно лишили себя жизни? – вдруг спросил он.

– Да нет, – уклонился от ответа Стас, отметив прозорливость Бизона. Савва Морозов и впрямь заказывал исследование о навязчивом синдроме самоубийства среди потомков купцов-«миллионщиков».

– Это, как вы называете – широкомасштабное меценатство – аномалия, по-вашему, вид шизофрении? – догадался Бизон.

– В обществе, принявшем рационализм как норму – конечно. – Стас понял, что тему надо менять настойчивее. – Так мы не о том, я угадал про вас или нет?

– Скорее нет, – крикнул Бизон, выпив очередную рюмку. – Тем ребятам, о которых вы сказали, не хотелось жить, они разучились радоваться, вот и придумывали себе развлечения. Про себя я бы этого не сказал.

– Это хорошо.

– А вы похожи на профессора, – Бизон выдержал паузу, разглядывая Стаса. – Преподавателя философии, наверное. Или математики. Студенты над вами подшучивают, но любят. Живете с матушкой. По манере носить пиджак... шарф... я бы сказал, что вы какое-то время преподавали за границей.

– В наше время одежда мало о чем говорит. Угадали насчет матушки, что уже удивительно.

– Тогда – за ее здоровье, – предложил Бизон. – Первое впечатление от человека складывается за секунды, в момент новой встречи ощущается живое сопение жизни, согласны?

Молодой человек с компьютером за соседним столом уже не смотрел фильм, а играл в игру-«стрелялку». Стас перегнулся через столик и спросил Бизона громким шепотом:

– Кто вы на самом деле – расскажете? Сравнить интересно.

Последовала пауза, во время которой Стас увидел в глазах Бизона перемигивание: сигналы вспыхивали и гасли, выражение глаз стремительно менялось. Но заговорил попутчик будничным тоном:

– Я краснодеревщик, можно сказать дизайнер. Работаю, вот, – он выставил вперед припухшие ладони, – руками. Сейчас мастерю кабинеты для властимущих, и девять лет мотаюсь в этом поезде: рабочие дни в Москве, на выходные домой. Песню знаете: «...та-тата моей страны все в леса одеты, звук пилы и топора трудно заглушить...», – пел он, не фальшивя. «Это для моих друзей строят кабинеты, вот построят и тогда – станет лучше жить».

Песню Окуджавы допели дуэтом. Официант подошел и склонился, получилось похоже на артистический поклон, будто это он исполнил номер.

– Мешаем? Тишину портим? – догадался Бизон. – Будем вести себя тихо.

На столе появились корочки со счетом.

– Позвольте. – Стас попытался выхватить счет у Бизона, но тот ловко отдернул руку.

– Профессор, не делайте резких движений, – попросил Бизон. – Вы представитель интеллигенции, нашей славной...

– Вы тоже занимаетесь творчеством! – запальчиво воскликнул Стас, рука его непроизвольно взметнулась, пальцы больно ударились об оконное стекло.

– Я занимаюсь? Чем, вы сказали?

– Господа, – вкрадчиво обратился к ним официант, – еще что-нибудь?

– Нет, Алекс. Мы тут еще попоем, постараемся погромче.

Официант натянуто улыбнулся, и Бизон его великодушно утешил:

– Не бойсь, мы с профессором удаляемся.

Стас положил на стол купюру из своего кошелька и встал. Бизон схватил бумажку и замахнулся, желая засунуть ее в карман пиджака Стаса, но попал в пустоту. Бизон чуть не упал, но удержался, вцепившись в столик.

По дороге в купе Стас продолжал рассуждать о времени: почему, чтобы жить, обязательно надо двигаться – сейчас я двигаюсь, и поезд движется, – значит, происходит двойное

ускорение. То есть что – двойное время? «... покуда время идет, а Семенов едет», у Бродского есть такое стихотворение. Семенов едет. Интереснее другое, почему собственно, китайцы – вопрос про китайцев показался Стасу животрепещущим, он остановился, решив подождать Бизона в тамбуре, но вагон дернулся, и Стас по инерции пошел дальше. Так почему китайцы говорили: сиди себе на берегу реки и жди, когда мимо тебя пронесут труп твоего врага? Здесь много неясного: во-первых, никакой дороги, никакого движения – время у них словно отделено от человека. Река. Семенов, видишь ли, едет, а Ли-сю, или как его, сидит себе. У кого из них больше времени и, следовательно, возможностей? Во-вторых, труп! И, кстати, подташнивает – разве может народное сознание быть таким... жестоким, хотя китайцев много, возможно, они легче относятся к трупам. Мао каждое утро выпивал рюмку водки с перцем и умер все равно, но вряд ли от этого. Еще Мао, говорят, питался энергией молодых девушек. Молодость в том, что энергия легко проходит через человека! Только в этом. Ядранка не так уж молода, но соблазнительна, надо признать. Неужели и впрямь она – меня – соблазняет? А я боюсь, да, боюсь; когда стареешь, к новой энергии относишься с опаской.

Стас дошел до своего вагона, не сразу его узнал, а когда разобрался, то направился в туалет, там пошарахался между твердыми поверхностями, пытаясь сосредоточиться на своем отражении в зеркале, хотел понять, совсем он уже старый или нет еще. Вернулся в купе, по привычке проверил сохранность фотоаппаратуры и повалился на полку. У него была с собой книга «Эволюция средневековой эстетики» Умберто Эко, с которой Стас рассчитывал настроиться на восприятие архитектурных посланий Таллинна, но не нашел в книге живости, в голову охотнее лезли слова про друзей и кабинеты, – вспоминая куплеты песни, он заснул.

Под утро проводница прошла по вагону, предупреждая о приближении границы. В купе никого не было, лишь свертки мерцали гранями, умножая солнечные блики. «Интересно, таможенники заставят их распаковывать?», – улыбнулся Стас. Продолжая дремать, он показывал документы представителям российского, затем эстонского государства, проснулся окончательно уже перед Таллинном. На столике купе стояла зеленая бутылка коньяка, самого дорогого, но почему-то без коробки. На полу игрушки – и никаких других следов Бизона.

– Простите, а где мой сосед – не знаете? – спросил Стас у проводницы.

– Вышел на своей станции. Просил передать, что коньяк для вас.

На перроне в Таллинне было мало встречающих, утро показалось ему тихим и добрым. Стас пешком дошел до гостиницы, все вокруг было знакомо. Он принял душ и решил прилечь.

2

Лариса постаралась уложить волосы – у нее, как всегда, не хватило на это терпения. Утро пятницы часто бывает веселее, чем утро среды, потому что выходные близко. Но эта пятница для Ларисы была тяжела. Когда завтрак был готов, на кухню вышел сын Томас, а дочь Маруся заняла ванную, по обыкновению надолго.

– Твой отец появится за завтраком, как ты думаешь? – спросила Лариса у сына.

Томас промолчал.

– В нашей семье можно задать вопрос – и тебе не ответят неделю, пожаловалась Лариса не вполне проснувшемуся пекинесу Вилли. Пекинес осмотрелся, сообразил, что ждать прогулки еще долго, и вспрыгнул на мягкую табуретку посреди кухни – досыпать, свернувшись калачиком.

Ларисино раздражение требовало диалога.

– Томас, я скажу удивительную для тебя вещь – всякое терпение может иссякнуть! Знаешь, какой у нас долг за квартиру?

Сын продолжал есть. Обычно Ларисе импонировала способность Томаса сохранять невозмутимость, но эта же черта могла довести обычную беседу до скандала.

– Думаю, папа спит, – наконец произнес Томас и налил себе кофе.

– Торопиться ему, как всегда, некуда. Но мне иногда хочется послушать его предложения по поводу наших проблем. Я права?

Томас молча пожал плечами.

– Двадцать лет все решаю одна! И кто, кто пойдет гулять с собакой?

– Мам, если тебе в ванную – я выхожу, – крикнула Маруся, приоткрыв дверь. Пекинес зевнул и уставился на Ларису, пытался понять, чем она недовольна.

Лариса прошла в комнату мужа. Мартин сидел у окна и сосредоточенно полировал деталь модели яхты. Его отрешенное лицо со сползшими к переносице очками, выражение нежности и старательности, – еще больше разозлили Ларису.

– Так ты даже не спишь. Хоть бы с собакой вышел.

– Привет, – сказал тихо Мартин и поверх очков опасно скосил глаза на жену.

Когда-то они в этой комнате повесили на стену круглое зеркало, Лариса увидела в нем женщину с напряженным сварливым лицом, жесткой линией рта, опрокинутой вниз. «Как уставшая торговка рыбой, а ведь я уже накрашена», – подумала она отстраненно о своем отражении. Мартин указательным пальцем поглаживал палубу миниатюрной яхты.

– Мог бы посмотреть на меня, Мартин.

Он снял очки и повернул голову, робко улыбнулся.

– Просто скажи, что ты думаешь по поводу того, что не сегодня-завтра нам могут отключить телефон. И заодно свет? – предложила Лариса.

Он водрузил очки на переносицу и снова принялся прилаживать деталь к яхте. Лариса бросилась к подоконнику, схватила одну из моделей и разбила ее об пол. Все произошло мгновенно, но ей показалось, что побледневшие глаза Мартина, увеличенные стеклами очков, она рассматривала долго. Неуклюже опустившись на четвереньки, он стал собирать щепки с пола. Пробормотал:

– Женщина-тайфун.

Это было ее прозвище из их забытого домашнего словаря. Да как она могла его обидеть, такого?

– Мам! – в коридоре появилась Маруся. – Не погладишь платье?

– Если выйдешь с собакой – поглажу, – согласилась Лариса.

– Что-то разбилось?

– Нервы сдают, – объяснила Лариса, – меня могут уволить из журнала.

Она вспомнила, что для пущей уверенности хотела накрасить ногти.

– Надо продать эту древнюю крепость, купить другую квартиру в новом районе – еще и деньги останутся! Сможем купить папе лодку. Я же не нервничаю, что родители за год так и не собрались посмотреть меня на сцене, – добавила дочь многозначительно.

Лариса достала утюг; значит, ногти накрасить не получится. Иногда из-за таких мелочей рушатся важные дела.

– Руся! Вернешься, свари отцу кофе с корицей.

Лариса наклонилась, поцеловала ползающего по полу мужа в сухой лоб, и Мартин не отстранился.

Квартира и чердак принадлежали деду Мартина. Его прадед целиком владел этим каменным трехэтажным домом, которому было без малого четыре века. Лариса за двадцать лет, что провела здесь, полюбила каждый угол в своем жилище, и чердак, напоминавший круглую башню, внутри просторный. Но у нее всегда оставалось ощущение, что дом лишь позволяет быть у него в гостях. «Руся не понимает, что если бы она родилась в новостройке на окраине, если бы не было у них с Томасом в детстве ежевечерних прогулок по старому городу, хорошей школы рядом, древней архитектуры вокруг, то они бы выросли другими...», – рассуждала Лариса на ходу.

До работы ей было идти недалеко.

– Нас купи-или, – прошептала Ольга, сотрудница Отдела культуры и светской хроники.

– Давно это всем известно. Где Витал? – спросила Лариса громко, ей не хотелось поддерживать игру в осажденных подпольщиков.

– Его вызвали. Со мной уже побеседовали, потом ты идешь.

– Как прошло собеседование?

– Ты видела нового стручка? – Оля закудахтала шепотом. – НАТО телать польше расфлектельных материалов тля поле-е широко-ко-ко... Вы должны учиться рас-флекать пуп-лику чтопы пыл тирашш! Он ничего, толстый пуплик с круглой лысинкой.

– Вылетаю я, значит. И Витал скорее всего, – тянула Лариса, трогая цветы у себя на столе. – Букет красивый, Витал принес?

– Да. Лариса, нельзя сдаваться, у тебя дети!

Оля добра, шумно всех любит, – и как же часто это раздражает, кажется глупостью, в лучшем случае излишеством.

– Рада за тебя, Оля, что тебя оставили на светской хронике. Но мы с Виталом им не к чему.

– Не обижайся, твоя там архитектура-скульптура или, как ее, культурология, – действительно, здесь ни к селу ни к городу, Ларис, рядом с программой телепередач.

– Расширенной телепрограммой. Я давно это поняла.

– Но ты хорошо готовишь! А Витал в спорте разбирается. И еще в аппаратуре. Все будет хорошо!

– Ага, в аппаратуре. Ладно, Оля. Я сама виновата, как следует не знаю язык.

– Лариса, тебе легко будет вспомнить – с мужем поговорила, потом с сыном!

– Они со мной молчат. Из Томаса еще можно при большом желании вытянуть пару слов, но муж мой...

– Заболел?

– После того, как пришлось продать так называемую яхту, стал неживой, будто сердце вынули.

– Может, заколдованный, – мечтательно вздохнула Ольга.

«Каким образом ей удастся сохранять восторженность? – поразила Лариса. – Даже Маруся взрослее, Оля же в свои за сорок – кудрявое существо в розовых оборках, будто совер-

шенно не травмированное жизнью. Мир вокруг нее тоже розово-голубой, украшенным бантиками. Слишком долго Витал не возвращается от нового начальства». Лариса нечаянно сломала стебель тюльпана.

– Мой муж, – проговорила она, – человек хороший, но слегка безумный. Я тронулась в одном направлении, а он в своем, и, когда сталкиваемся, мы разрушаем друг друга. Мне так кажется.

– Мартин красивый, – пропела Ольга. – Как Клинт Иствуд, или другой, этот, с ямочкой на подбородке... забыла. Как его? Тот красив во всех ракурсах... а Мартин твой...

Лариса вспомнила Мартина на четвереньках.

– Одни корабли на уме. И радикулит хронический, вот его ракурс.

– Подумаешь. Давай его чуточку оживим, мы с подругой однажды так смеялись! – Ольга захохотала, уронила голову на стол, бусы стукнули о столешницу. – Нужно разбудить его чувства, предположим, ему попадет на глаза записка, благоухающая: «Я увидела вас случайно, в магазине «Рыболов-спортсмен», и полюбила». Мужчины тоже боятся стареть, не меньше нас. Признание незнакомки... то, что нужно, чтобы дать импульс!

– Ты начиталась собственных советов замужним женщинам. «Как оживить умирающий брак? Купите сексуальное белье, устройте ужин при свечах, внезапно пропадите из дома на три дня. Чаше ходите голой». Даже если пропаду на пять, никто не заметит. Если оставить запас еды, конечно.

– Во-первых, замужним я никогда не советую, только тем, кто мечтает выйти замуж. Спорим, поможет?

– Оля, дай сосредоточиться.

– Главное – ты хорошо выглядишь. Лариса! Накрасилась по-новому, что ли? Знаешь точечный массаж...

– Дамы! – Появился Витал. – Ларик, ты красивая женщина, я тебе сегодня не говорил? Поцелуешь, только по-настоящему?

– Витал, ну что?

– Повысили зарплату, на днях приглашу в ресторан.

Ольга, радостно повизгивая, попрыгала перед Виталом, придушила, расцеловала и убежала брать интервью у футболиста. Витал достал платок, вытер лоб и щеки, нежно приобнял Ларису:

– Ступай бодрыми шажками к новому шефу. Я ему сказал, что у нас с тобой будет совместная рубрика, и он отнюдь не возражал.

– Отнюдь... какая?

– Придумаем вместе. Что-то одновременно глуповатое и экстравагантное. Надо всех заинтриговать, «люкс, культура и современность», что-то вроде. Сплетни и интриги богемной тусовки.

– В такие игры не играю, не хочу.

– Отнесись к этому легко, у тебя хорошо получится. Надо иногда меняться, мы еще молоды, Ларис!

– Не люблю мелкотравчатый идиотизм, – Лариса встала и потянулась за сумкой. Ей не нравились слова, что получались у нее сегодня. – И я ухожу.

– Да он везде, во всех изданиях – идиотизм, давно не обольщаюсь на сей счет, и тебе не советую, – Витал подхватил Ларисину сумку и поднял высоко над головой. – Твое упрямство такая же пошлость, потому что негибко. Высокомерно, в конце концов. Я вообще беспокоюсь, что-то в тебе такоеросло – знаешь, Ларис, как отложение солей в позвоночнике у рыбы, он гнуться перестает. Или наш чайник, электрический... Валька не может его отчистить от накипи. Даже с уксусом кипятит.

– Не надо беспокоиться, Витал, за мой позвоночник. Подумай о своем, чрезмерно гнушемся. У рыб, чтоб ты знал, на костях никогда – ничего – не нарастает. И не смей сравнивать меня со своим чайником! Фильтр купи нормальный и фильтруй воду.

– Я-то куплю, вообще куплю два новых чайника. Ты вот – на что семью кормить будешь?

– По субботам экскурсии, – она приподнялась на носках, чтобы дотянуться до сумки, которую Витал продолжал держать на вытянутой вверх руке. Но ее роста оказалось недостаточно. – У меня есть муж, если ты помнишь, Лариса подпрыгнула как могла высоко, но сумку ухватить не сумела.

– Ага, муж... На одни русские экскурсии не прокормишься. Ходит всего один поезд: Москва-Таллинн, Таллинн-Москва, туда-сюда, туда-сюда, чу-чу-чу, Витал запыхтел паровозиком, бегая по комнате.

– Отдай, а то обижусь.

– Если бы ты знала, сколько женщин обижены на меня.

Подскочив еще раз, Лариса выхватила сумку и стала собирать вещи.

– Это моя ручка или твоя?

– Моя ручка. И мой карандаш. Ларис, не уходи вот так, прошу. Хочу работать с тобой, пить кофе из одного стакана...

– Кофе пьют из чашки. Не будем пить из одного стакана не воду мы...

– Не поцелуемся мы утром рано.

– Вот именно – не поцелуемся. Не поругаемся мы утром рано! Букетик хотя бы мой?

– Давай поругаемся. Ты истеричка, Ларис, менталитет у тебя подростковый.

Инфантильный менталитет.

– Сам дурак, – грустно сказала она. – Менталитет ему мой не нравится! Может, в сто раз лучше твоего.

– Мне будет плоховато без тебя.

– Мне тоже.

– И поцеловать, пока еще утро?

– Обойдешься.

* * *

«Я была с ним груба, он этого не заслужил. Столько лет работали вместе, здорово, когда можно разговаривать, ходить пить кофе, обедать и работать. Романа не было, было состояние предвлюбленности, которое лучше, чем роман, поскольку может и не заканчиваться. Оно не способно никого обидеть, хотя в любой момент может начать развиваться, от единого прикосновения. Было все здорово, и теперь закончилось, – оттого, что я плохо говорю по-эстонски. У меня затвердели хрящи, он прав. Мне трудно меняться, и вот я сбежала, обидев единственного друга. Напоследок даже не заняла у Витала денег, а ведь собиралась».

Лариса смотрела в сторону работающего телевизора, переключала программы и жевала хлеб, запивая его пивом. Собака сидела рядом, следила за каждым её движением. Повинуясь гипнотическому импульсу, Лариса протягивала пекинесу шарики из хлеба. Мякиш прилипал к редким зубам пекинеса, он наклонял голову, стараясь жевать тщательно, показывая, что для него хлеб – тоже пища. Пива Ларисе не хотелось, а хотелось, чтобы зазвонил телефон. Виллик звонко твякнул, напугав хозяйку, – просил еще. Можно позвонить Виталу, сказать что-нибудь ласковое, возможно, он даже обрадуется ее звонку. Но гораздо лучше, если Витал позвонит сам. Лариса отвернулась от телевизора, чтобы вымыть стакан, услышала текст рекламы: «Препарат эффективно устранит заболевания мочеполовой системы у женщин пожилого и среднего возраста». И она разревелась.

Тут же зазвонил телефон, это была Ольга.

– Я подумала насчет нашего дела.

– Какое еще дело, – шмыгнула носом Лариса.

– План с запиской, забыла что ли?

– Оля, мне не до чего, долг за квартиру. Дети шатаются неизвестно где, муж тоже.

– Проблемы надо решать по порядку. У меня есть записка, могу одолжить на полгода.

На подолыше не смогу – хотела в Норвегию, знаешь, там фьорды... Безработные живут как депутаты нашего парламента! Когда придумаешь с работой, будешь отдавать по частям. Теперь главное, твой муж. Лариса! Просмотрела я том Ахматовой, и с трудом, но нашла подходящие слова. Перепишу красивым почерком, надушу, и мы подбросим. У меня есть японские духи, у Мартина как с обонянием?

Лариса всхлипнула:

– Откуда я знаю... у нас все поменялось: осязание, обоняние, зрение тоже сильно просело.

– Проверим зрение и все остальное. Подбросим записку и проследим за реакцией. Мне хочется посмотреть, как он возродится! Не возражаешь, если я подъеду с запиской, когда Мартин будет дома?

– Оля, мой муж депрессивный, слегка, но не идиот. Ты приедешь, мы подбросим ему в коридоре записку, и будет считаться, что это послание от незнакомки?

– Значит, не получится... – Ольга загрустила, – Лариса! Можно положить записку на переднее сиденье машины и убежать. Еще лучше будет, он подумает, что какая-то женщина его страстно преследует. Неотступно... точно говорю, они это очень любят.

– Решит, что послание от дорожной полиции, штрафная квитанция. И все равно машину продали.

– Я перезвоню, – заключила Ольга.

Вернулся Мартин – тихо произнес слова приветствия в коридоре. Лариса вышла к нему, хотела попросить прощения за разбитую модель яхты. Взгляд мужа казался неживым, костюм был мокрым и местами грязным – похоже, Мартин перестал быть аккуратным как прежде, – вообще как узнать, каким он стал, ее муж?

– Ты откуда?

– Ходил.

Он не виноват, что не может ни на что решиться; злиться на него все равно что обижать собаку, – растроганно решила Лариса, наблюдая за бурной встречей мужа с пекинесом. Стоя посреди холла, Мартин медленно поворачивался и слегка наклонялся, как великан над любимым братом, которого фея превратила в мелкую собачонку. Пекинес прыгал и падал на бок, звучно ударяясь головой, коротко взвизгивал от боли, вскакивал и снова прыгал, счастливо поскуливал и чихал, брызгаясь во все стороны. Почему они друг с другом нежнее, чем со мной?

Зазвонил телефон.

– Придумала! Я придумала, Лариса! – Это была Ольга. – Завтра приду к вам, засуну записку в карман его плаща, и тогда получится, что он принес ее с улицы. Ты спросишь: «Посмотри, не надо ли отнести в химчистку твой плащ? Только проверь карманы, Мартин!». Поняла, Лариса? Поняла?! Текст хочешь послушать?

Муж от ужина отказался, ушел в свою комнату строить корабли. Спустя недолгое время вернулся Томас и молча устроился за обеденным столом, косясь в телевизор. Лариса хотела сказать сыну, что не так давно он был ее лучшим советчиком, напомнить, что с раннего детства удивлял ее мудростью и точностью суждений. Возможно, теперь он снова поможет ей. Лариса подыскивала достойные слова.

– Почему так поздно? – неожиданно для себя спросила она. Томас удивленно бросил взгляд на настенные часы.

– Репетировали.

– А что именно вы репетировали – можно поинтересоваться?

– Музыку.

– Почему ты мне никогда не рассказываешь – на чем играешь?

– Ма, на басу, – протянул он одной, тоже низкой, нотой.

– Почему же не на скрипке? Ты что, ее вообще больше в руки не возьмешь? И музыкальная школа – коту под хвост? – Еще не договорив, Лариса осознала, что сказала глупость, но это было сильнее ее, как обязательная реплика в прописанной роли. Томас отвернулся, едва заметно пожав плечами. Она не могла вспомнить, как раньше удавалось разговаривать, не пугая его материнскими штампами, надо снова и снова пытаться находить слова, – подбадривала она себя.

– Не спросишь, как у меня дела?

– Скажи.

– Я потеряла работу.

– Ищи новую. Газет и журналов полно. Ты хороший журналист.

– С русским?

– Ты и на эстонском можешь.

– Как у тебя все просто, Томас!

Сын сделал громче звук телевизора. Говорили, что неизвестный, возможно маньяк, опять напугал женщину в безлюдном парке. На этот раз без последствий. Томас убрал звук.

– Ты был такой хороший... маленький. Понимал меня с полуслова, больше всего на свете любил свою скрипку, меня. Теперь: «да, ма-а, нет ма-а»... через три месяца уйдешь в армию, я так долго не увижу тебя!

Томас поднялся, слишком поспешно, как ей показалось, чмокнул ее в щеку и пожелал спокойной ночи.

Если удастся пристраивать в месяц две-три статьи, то скромно прожить можно, даже работая внештатно. Проблема в другом: опусы об известных людях, событиях или предметах ты пишешь, видя перед собой лицо редактора, и в текстах со временем все меньше тебя, в строчки вкрадывается чужой стиль, отпечаток редакторской физиономии. Ты утешаешь себя, что это временный компромисс, но стилиныш-подлец успеваешь захватить страницы текста, приставить уши к каждому абзацу. Для «глянца» надо писать лихо, демонстрировать небрежливое остроумие, способность лягнуть и укусить любого, живого или ушедшего. Открыв окно, Лариса увидела около подъезда две фигуры: Маруся и ее мальчик стояли обнявшись.

– Руся, сейчас же иди домой. Спать пора.

– Мам, тебе пора, – ответила дочь, отстранившись от мальчика, – со мной все в порядке. Можешь ложиться.

Она командует матерью. А ведь семь лет по больницам, даже в школу ей ходить не разрешалось, Маруся долго шагу одна не могла ступить, в буквальном смысле. «Они отрезают нас, и мы понимаем, что надо жить собственными эмоциями, – подумала Лариса и закрыла окно. – Не выпрашивать, цепляясь, их энергию».

* * *

– Аптека начала пятнадцатого века, одна из старейших в Европе.

Лариса шла во главе группы, утро было славное. Она произносила текст экскурсии, глядя под ноги, на мостовую.

– Скажите, в этой аптеке продавались алхимические препараты?

В группе обязательно найдется один, кому больше всех надо. Остальные засмеялись. Чтобы не тратить лишние силы, следует понять: всезнайка и впрямь начитан или просто смеширует скукающих дамочек. Лариса аккуратно отломилась часть плитки шоколада в кармане:

– Это правда, лекарственные составы тогда разрабатывали люди, которых считали алхимиками.

– И сейчас продаются?

Похоже, невысокий мужчина с золотым зубом и в кепке – обыкновенный балагур, определила Лариса.

– Пищевая добавка «философский камень»? Давайте зайдем и спросим у Сильвии. Здесь продают кларет по старинному рецепту – может, он и есть эликсир бессмертия. Вы готовы жить вечно, как Агасфер?

– Кто? Смотря как жить. Почему в Таллинне все так хорошо сохранилось? – спросил балагур обиженно.

– Эстонцы берегут свою историю, культуру, – ответила Лариса. «В отличие от некоторых», добавила она про себя, почувствовав раздражение.

– Думаю, у вас время медленнее течет, и народу теперь мало, говорят, вы всех русских выгнали, – высказался солидный господин. Он все осматривал медленно, основательно, его жена много фотографировала. Лариса привычно проигнорировала выпад насчет русских.

– Уникальная сохранность архитектуры... результат политики местных властей, достаточных средств, выделяемых на поддержание и ремонт исторической части города. Сохранены две трети средневековых домов, вдумайтесь, это все строения пятнадцатого века! – сегодня ей хотелось провести экскурсию формально и побыстрее. Не было настроения долго смотреть на туристские физиономии. – Пройдем к храму Святого Николая, «Нигулисте». Это наш самый крупный музей средневекового искусства, здесь три наиболее ценные произведения того времени, оставшиеся в Эстонии. Прежде всего, алтарь, заказанный для храма Нигулисте Большой гильдией и Братством Черноголовых и выполненный в 1482 году знаменитым любекским мастером Херменом Роде, – рассказывала Лариса на ходу. – Еще один алтарь, посвященный Деве Марии, конца XV века, тоже принадлежал Братству Черноголовых. Помните здание Братства, что мы видели на улице Пикк? «Черноголовые» на протяжении пяти веков покровительствовали искусству. И, наконец, в музее Нигулисте мы увидим единственную в своем роде картину.

В храме она выстроила группу перед картиной «Пляска смерти»:

– Неизвестно, художник из Любека в 1430-м году сам придумал написать полотно “Bal masabre” или то был заказ какого-либо ордена. Возможно, появлению шедевра мы обязаны заказу городской гильдии похоронщиков: по этой картине можно изучать погребальную культуру Средневековья. Полотно символизирует бренность жизни и неизбежность смерти, не выбирающей между богатыми и бедными, знатными и крестьянами.

Она всегда мерзла перед этой картиной, и сейчас сквозь подошвы туфель заполз холод.

– Может, церковь хотела припугнуть прихожан, мол, несите скорее ваши денежки, пока живы? – спросил балагур.

– Уцелело семь с половиной из тридцати метров картины, известно также, что в Любеке хранился второй экземпляр произведения, сгоревший во время Второй мировой... изображены люди разных классов, возрастов и сословий...второе значение этой картины было открыто недавно...ожидание второго пришествия...

Лариса запнулась. «Второй, второй», – слышалось ей. От ее голоса отделился другой, долго молчавший, тоже ее. Голос звучал полноценно, наполнено:

– Тэре, Лариса.

Она успела подумать, что страшноватая картина “Bal masabre” возбудила у нее в голове некий центр, и теперь приветствие, произнесенное голосом, о котором мечталось так часто, произнеслось вслух. Она обернулась – голос шел из свободного пространства церкви.

Экскурсанты вяло переминались с ноги на ногу, они тоже мерзли.

Лариса сосредоточилась и продолжила объяснение:

– Предыдущий мэр Таллинна хотел сделать картину символом города... устроить фестиваль под названием «Пляска смерти», предполагалось объявить конкурс детского рисунка на сюжеты черного юмора, но к счастью нашлись здравомыслящие люди, напомнившие, что дама с косой в руках – сакральный образ, с ним не шутят... какой ужас.

«Что я несу? – думала Лариса, – не собиралась же говорить ничего этого. Уверена, он где-то поблизости. Я должна запомнить, что сейчас чувствую. Кажется, мне хочется сбежать. Большое счастье и горе переживаются одинаково болезненно, они похожи, оказывается. Хотя счастье не произошло, а только представилось в очередной раз. Но даже в воображаемом состоянии оно обжигает, можно погибнуть». Ее голос звенел, а взгляд настолько изменился, что группа развернулась и тоже уставилась в ту сторону, куда смотрела Лариса. Но там был алтарь – и никого рядом.

– Что значит «сакральный» и почему нельзя шутить? Тем более я в отпуске, – подмигивал балагур девушке из группы.

3

Стас отправился в кондитерскую, где позавтракал, читая московскую газету. Накатилась слабость, вместе с ней мерцающее покалывание в груди: может, кофе был слишком крепким или сказалась беспокойная ночь. Утро в старом городе виделось пустынным, встречались группы спотыкающихся сонных экскурсантов. Придя в Нигулисте, Стас начал работать у храмового алтаря; рассматривал роспись, изображающую житие Святого Виктора. Потом наметил ракурсы для съемки, и вдруг услышал голос, безучастно рассказывающий о картине «Пляска смерти». Ему стало плохо и страшно: точка боли в груди слева выпустила тонкие иголки, колючий шарик сделался твердым и начал медленно поворачиваться.

Стас ощутил холодный пот на лбу, громко произнес: «Какой ужас». Хотел обернуться, но не успел. Так и стоял, чувствуя спиной холод. Будто прижимался к мраморной стене. Или лежал на полу?

Стас услышал слова, о которых мечтал двадцать лет:

– Тэре, Лариса.

«Я еще не умер, – подумал он, – а уже встретил ее. Значит, просто не успел умереть».

Господи, как страшно было бы с ней встретиться. Неужели ангелы начертили схемы наших жизней так, что они опять пересеклись? Конечно, у Ларисы огромная загадочная жизнь, трудно себе представить сколько людей и событий крутилось вокруг нее эти годы. Она изобразит радость, предложит отправиться к ней домой знакомиться с семейством. Пить чай. Может, в Эстонии не пьют чай? Кофе. Почему-то я уверен, что у нее есть семья. Я не смогу отказаться от приглашения: увидеть ее и сразу расстаться выше моих сил. Птица пролетела по небу; в одну сторону, потом совсем быстро, – в другую. Я способен только фиксировать и затем рассматривать снимки, годами недоверчиво рассматривать снимки со следами стремительной птицы. Потому что я оцепенел. Что если Лариса не летает больше? А я сам?

Он сказал бы ей о своем страхе.

– Мне тоже кажется, если повернуть голову вот так, ты можешь исчезнуть, отвечала Лариса.

– Никогда. Это ты можешь, мне было так больно!

Потом они оказались вдвоем на улице и не знали, что делать.

– Ты когда...?

– Сегодня утром.

– Где твои вещи?

– При чем здесь вещи, Лариса.

Они шли, не глядя друг на друга; смотрели вперед, пытаясь угадать будущее.

– Кто первым начнет рассказывать? – спросил Стас, не выдержав безвоздушного молчания.

– Эта улица называется Лабораториум.

– Знаю. Я искал тебя здесь.

Они бродили вдоль моря, гуляли в парке. Раньше никогда не ходили рядом, Лариса всегда шла быстрее, чем он.

– Ты приехал в первый раз?

– Я приехал сразу, когда потерял тебя. Ползал здесь, раненый. Если ты действительно живешь в этом городе, должна была видеть следы знакомой крови на тротуарах.

– Если бы ты был здесь тогда, мы не могли не встретиться, – я год встречала почти каждый поезд. У меня была такая болезнь – ждать тебя, встречать и провожать московские поезда. Казалось, через них я общаюсь с тобой. Поездная зависимость.

– Я приезжал в 86-м, потом еще три раза. Дважды прилетал на самолете. Уже без надежды, я перестал верить. Решил, что придумал нашу историю. Вернее, преувеличил ее значительность.

– Ты сказал глупость.

– Ну ладно.

– И все же решил еще раз попробовать?

– Иногда дается, когда перестаешь надеяться.

– Главное – дожить до того времени, когда дается.

«Господи, сделай так, чтобы у нее не было ни мужа – и никого, – взмолился Стас. – И как я смог выжить в предыдущей жизни без нее?».

– Ты, хоть иногда, представляла нашу встречу?

– Часто.

Она погладила его руку, Стас хотел взять ее ладонь и поцеловать, но не посмел. Большим блаженством было бы сейчас оказаться вдвоем в постели, он позволил себе представить их объятие, такой миг казался лучшим из всего, что могла предложить жизнь. Прижаться, лежать вздрагивая от нежности. Он думал об этом и смотрел себе под ноги, даже земля около ботинок была особенной... Вдруг опять испугался: физически удалиться от Ларисы больно, он это хорошо помнил, и если опять придется... О, неужели это возможно – в другом мире слиться навсегда именно физически. Блаженство цельности.

– Куда мы теперь? – наконец, спросил Стас.

– В гости к Хранителю.

В старой башне, пока они протискивались по тесной лестнице, Стас снова подумал о том, как быстро может раствориться двадцать с лишним лет, будто ты жил в одном измерении, а потом, вследствие неких сданных экзаменов, тебе открыли дополнительный объем. Ты существуешь в новой реальности как ни в чем не бывало, только скорость движения воздуха вокруг меняется, голова кружится от высоты и раскоординированности. В новом пространстве он знал только Ларису.

– Ты мой ключ к Небу, к настоящей жизни, – сказал он.

Лариса поднималась по лестнице первой.

– Пригни голову.

Стас вдруг представил, что она королева башни, маленькая и смелая, и наконец решила отвести его наверх – его совсем ничего не держит в том мире, где нет Ларисы. Он ударился головой.

– Больно? Я же сказала – пригнись, Стас. Сейчас увидишь то, что никто кроме меня не может показать.

– Меня бы устроило что-нибудь теплое, любая часть твоего тела, – жалобно пробормотал он.

– Ты опять сказал глупость.

– Если говоришь что думаешь, чаще всего так и получается. Твое прикосновение для меня важнее других даров вселенной.

Ступени были высокими и стертymi. Как и слова.

– Эт-та ты? – раздался сверху шелестящий голос.

– Идем к тебе, Карл, – произнесла Лариса торжественно. Из приоткрытой двери им навстречу вырвался поток музыки, плотный как вода. «Это и есть музыка Таллинна», – понял Стас.

Хранитель был высоким человеком, будто высохшим; когда он произносил слова по-русски – а время от времени они с Ларисой переходили на эстонский или на немецкий, то кивал головой и наклонялся, складываясь вперед. Стас отметил, что одежда на старике необычная, не то чтобы старинная, а какая-то театральная, нарядная и ветхая одновременно. Хра-

нитель не разрешил фотографировать, хотя показывал свои сокровища с удовольствием. Это были черепа жертвенных животных, средневековые орден в бархатных коробках, серебряные фигуры-скульптуры с глазами из драгоценных камней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.